

Дан Берг



Не уклоняй сердце твое

18+

Дан Берг
Не уклоняй сердце твое

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62781008

SelfPub; 2020

Аннотация

История об одном купце, о его возлюбленной, о его женах и детях и о том, как печально окончилась его жизнь.

Глава 1 Сирота

1

Два ослика неспешно ступают вверх по каменистой тропе. Тот, что крепче и крупнее, запряжен в повозку и топает впереди. Ослик поменьше тянется за ним. Повозку обременяет худой бородатый еврей, человек в годах. Верхом на малой животине восседает мальчик лет десяти. Парнишка весел, болтает ногами, глазееет на камни и кусты вокруг. Бородач не доволен юным попугачиком: “Всего месяц, как осиротел, а не видать, чтоб сильно горевал...”

Путь не далек и не короток. Из Яффы в Иерусалим. Мордехай, так зовут еврея, размышляет о том, что новые времена лучше прежних. Франки потеплели к иудеям и дозволили селиться в Яффе. Для раввина Мордехая все крестоносцы – франки, на каком бы наречии они ни горланили: на германском ли, на английском, на французском... Мессия вот-вот придет, очистит Святую Землю от деревянных крестов и железных доспехов.

Вроде размягчились франки, а держаться от них подальше надо. Вот и тропинка эта в стороне от стези. Здесь всаднику на коне узко и не почетно будет. “В пути – как в жизни: широкая дорога опасна, да и узкая не всегда верна, – вздохнул Мордехай, – нам ослика подавай, да и не надобен еврею конь: высоко и дерзко, не любят этого рыцари. Ничего, по-

терпим, Бог пришлет нам Спасителя...”

2

“Яков, привал!” – крикнул Мордехай мальчику. Путники расположились в тени под деревьями. Яков нарвал травы для скотины, положил корм у ручья. Старший достал из мешка припасы, вопросительно взглянул на младшего. Тот спохватился, кинулся с кружкой к воде. Омыли руки, произнесли благословение. Хлеб, маслины, финики – вот и вся трапеза.

Мордехай подвизается на должности раввина маленькой бедной общины в Яффе. Его прихожане кормятся рыбным промыслом. Все бедняки. Раввин – он и староста синагоги, и хазан, и учитель. Просветительскую службу Мордехай почитает особо. “Ученый человек и своим умом живет, и чужой ум понимает. Всех наших грамоте выучу. И молитвы будут знать, и понимать Слово Господне, ибо без этого не дождемся Мессии!” – думает Мордехай.

И еще он думает, что силен турок-мусульманин острым кривым мечом, и силен франк-христианин острым прямым мечом, а у иудея нет никакого меча, но он острым умом силен и им-то всех недругов одолеет. Ученость хранит от бед лучше армии вооруженной. А Элиэзер, иерусалимский брат Мордехая, тоже раввин, говорит, что божий мир не так уж прост, как видится сквозь яффский морской воздух, за густотой которого многое скрыто.

Мордехай везет мальчишку в Иерусалим на попечение Элиэзера. Яков был лучший ученик у Мордехая. Раби не мог нарадоваться на быстрый ум питомца. А вопросы его! “Еще год-другой и меня превзойдет!” – с радостью и опаской думал учитель.

Великое горе постигло Якова. Как-то раз, отец его, бедный рыбак, задолжал Мордехая за учебу сына. Накануне Пурима был хороший улов, и, продав рыбу, отец накопил муки, масла и прочего, что для праздника требуется. Мать напекла сладостей и отправила Якова к раввину с гостинцами и с деньгами. Праздничная еда усыпила малышку. Отец с матерью выпили вина, как положено в Пурим и, сморенные яффской жарой, тоже уснули. И случился в доме пожар от неза тушенного очага, и в дыму и в огне погибла семья. Огонь разрушает бесповоротно и жизнь переворачивает. Страшное зрелище открылось Якову, когда вернулся.

Мордехай горевал вдоволь, ибо за собой усмотрел вину: кабы не напоминал он про долг, не послали бы мальчика к нему, и остался бы Яков дома, и не позволил бы случиться несчастью. С намерением успокоить совесть свою, Мордехай упросил Элиэзера взять сироту в ученики и обязался платить за питомца. А еще подумал яффский раввин, что лишь иерусалимский дух мудрости вполне раскроет таланты даро-

витого отрока, и тот подкрепит его, Мордехая, доктрину всепобеждающего просвещения.

3

Весьма скоро понял Элиэзер, сколь велика удача, ему выпавшая. Необычайно умен и хваток был новый ученик из Яффы. Памятью и тонкими не по годам рассуждениями поражал учителей своих. Раби Ихиель, главный раввин Иерусалима, иной раз призывал к себе Якова и добавлял ему мудрости из собственного кладезя.

Элиэзер – человек не бедный, состоятельный, пожалуй. В доме его хорошо жилось Якову. Работы никакой, только книги да ученые беседы. Элиэзер думал воспитать себе знатного зятя. Мирьям, дочь его старшая, недурна собой, и не раз уж, словно обмолвившись, но так, чтоб слышал юный ученик, говорил родитель, что славное приданое ждет того, кто удостоится руки Мирьям.

Шли годы учения и взросления. Элиэзер стал замечать, что Яков склонен искать общества Мирьям, а та, скромности в урон, не прячется он него. И еще замечал Элиэзер, что обещающий талмудист не робок с противоположным полом и не только фолианты вдохновляют ум и сердце его. Давая совет Элиэзеру, раби Ихиель изрек, мол, от болезней много лекарств, а от здоровья одно снадобье – женитьба.

4

Странные, предосудительные, постыдные знакомства завел Яков. Как-то видели его беседующем с копыеносцем, другой раз донесли Элиэзеру, что Яков замечен был среди людей в чалмах. “Зачем покидаешь наш квартал? Мусульманин жесток, а христианин – суций дьявол!” – со страхом говорил Элиэзер назначенному в зятя, и внутренний голос нашептывал, что неизбежно искать другого жениха. Мирьям плакала, но не противилась отцу, страшась авантюрного счастья.

Тонким слухом своим Яков ловил музыку чужой речи, и нельзя было отличить говор его от говора франка или турка. “Для чего ему это?” – недоумевал и сокрушался Элиэзер. Он неизменно сообщал брату Мордехаю в Яффу о метаморфозах, с сиротой происходящих. “То, что не дано нам исправить, есть предмет терпения” – говорил Элиэзер. “Не терпением, а нетерпением достигают и обретают!” – гневился Мордехай и мысленно укорял брата за нерадение в воспитании. А Элиэзер не восставал на Якова, но, дорожа репутацией, удалил из дома компрометирующего жильца. Яков же не менял личину, и по-прежнему молился с иудеями, и не покидал до времени своих, и учился у раввинов, но не только у них.

– Не воюй с ним, помогай ему! – сказал главный раввин Элиэзеру.

– Я так и поступаю, раби Ихиель.

– Он может далеко пойти.

– Кто знает... С кем он повелся...

– У новых знакомых ищут признания, коего не находят у старых.

– А по мне, это есть любопытство к предмету недостойному такого!

– Не отпугивай, не гаси искру иудейства в молодом сердце! Терпение, Элиэзер!

– Терпение? Не на всяком дереве растет этот фрукт. Но я терпелив, раби.

– Такие, как Яков, хоть и редки, зато польза от них великая нам!

– Нам, но не мне!

– Найдешь для Мирьям жениха, Элиэзер.

– Найду... Но и Яков мне не чужой...

– Однако, женитьба не только от здоровья, она и от недуга душевного целит!

Глава 2 Женитьба по расчету

1

Оснат и мать ее Ривка ютились в жалкой хижине в центре еврейского квартала Яффы. Оснат одна дочь у матери. Не успела Ривка народить мужу других детей. Беда случилась: ушел рыбак в море и не вернулся. Погиб? Наверное. Никто не видел. Вдовы – самые святые существа на свете. Ривка не хотела другого мужчину в своей жизни. Верностью пропав-

шему супругу соломенная вдова весьма потрафила раввину Мордехаю, освободив последнего от мучительной дилеммы между новым сватовством и галахической твердыней.

Предки Ривки и ее мужа – выходцы из Йемена, поэтому родители Оснат походили на тамошних арабов темной кожей и тонкими чертами лица. Оснат, пожалуй, не унаследовала совершенной красоты матери, но облик юной обладательницы стройного стана, больших глаз и блестящих черных волос до пояса частенько смущал воображение иного праведника, бросившего на девицу нечаянный взгляд. Постник пребольно щипал себя, дабы помыслы его не сворачивали с пути благочестия, ибо люди стремятся к запретному и желают недозволенного.

Яков, пока жил в Яффо, дружил с Оснат. Мальчик с девочкой ходили на берег моря, собирали ракушки да камушки, и говорили обо всем на свете. Яков, лучший ученик раби Мордехая, рассказывал Оснат, чему выучился накануне, а та слушала и нежно глядела на него своими прекрасными глазами. Мордехай весьма почитал йеменских евреев за особенное их рвение к грамоте. Навещая бедную вдову, он открывал широко дверь хижины, усаживал мать и дочь на лавку напротив, и учил их чтению и письму, и платы не брал.

Сидя на морском берегу с Оснат, бывало размечтается

Яков.

– Я не хочу быть рыбаком, Оснат.

– Мой отец был рыбаком...

– И мой отец рыбак.

– А чего ты хочешь, Яков?

– Я хочу стать купцом.

– Зачем?

– Чтоб объездить весь свет.

– Зачем?

– Хочу увидеть, как живут люди на Западе и на Востоке.

– Там тоже есть евреи?

– Да, Оснат, евреи везде есть.

– Им так же плохо, как нам здесь?

– Евреям везде плохо.

– И никогда не будет хорошо?

– Раби Мордехай говорит, что придет Спаситель, и все переменится.

– Правда?

– Уж тысячу лет ждем его...

– А если не дождемся? Что будет, Яков?

– Не знаю. Я хочу разбогатеть.

– Зачем?

– Чтоб стать сильным. И не бояться франков. И никого не бояться!

– Здорово!

– И я подарю тебе жемчужные серьги и жемчужное ожерелье.

– Правда?

– Конечно! Или ты не хочешь жемчуг? Говори, чего ты хочешь?

– Я не знаю...

– Подумай!

– Я подумала. Я хочу, чтоб ты не забывал меня, и писал мне письма издалека. Я умею читать.

– Конечно, не забуду! И письма писать стану!

В первые годы сиротства и учения в Иерусалиме у раби Элиэзера, брата раби Мордехая, мальчик забыл о подруге. А она не забыла, она уж тогда любила его. Прошло время, и Яков вспомнил детскую дружбу, и мечты его сбылись, и обещания свои он исполнил, но вышло всё не совсем так, как думалось девочке Оснат.

2

Следуя совету раби Ихиеля, главного Иерусалимского раввина, Элиэзер заторопился исцелить Якова от телесного здоровья и душевного нездоровья. Нашел для мятежного питомца достойную невесту – славная девица, и приданое за ней славное. Однако, непредсказуемый Яков встретил известие без ликования и заявил Элиэзеру, что, мол, надо погодить со сватовством, что сей серьезный шаг нельзя не обсудить с Мордехаем, да и повидать хочется город детства, ибо

кто знает, что родит новый день. Он живо собрался в дорогу и отбыл в Яффу.

Первым делом и без обиняков Мордехай выложил Якову великое свое недовольство и разочарование. “Зачем знаешь-ся с мусульманами? К чему тебе франки? Почему не принял сватовство Элиэзера? Деяния твои не угодны Спасителю, и отдалит он приход свой!” – не поскупился на упреки Мордехай. “Я люблю Оснат и хочу жениться на ней!” – кратко и простодушно ответил Яков.

Душа Мордехая возрадовалась. Равно дороги ему и Яков, и Оснат. Знал он, по ком сохнет бесприданница. “Талантам Якова сей брак не в помощь, но любовь выше пользы!” – думал горячим своим сердцем старик.

Счастьем светятся глаза девицы, гордо и значительно выглядит жених. Свадьбе быть в Иерусалиме, там и поселится молодая чета. Яков заверил верных своих опекунов, что средства к жизни он доставит сам.

3

Хорошая вышла свадьба. Даже Мирьям, дочь Элиэзера, имевшая когда-то виды на Якова, радовалась: обвенчан бывший отцов ученик, и нет более праздных сожалений, и ясность вернулся в сердце.

Ривка поселилась с молодыми. Стала ждать, как принесут в дом колыбельку, и незабытая радость коснется ее души милочным крылом.

Раввины Элиэзер и Ихиель озадачены были предпочтением, которое сделал Яков. Полагали, однако, что должна быть отгадка. Загадочен замысел великого дела. Луч времени осветит тайну и уничтожит ее.

Прелестная Оснат с первых дней полюбила всем. А Яков, друг яффского детства ее, сам сирота, весьма оценил женскую любовь к себе, и отчего же не жениться?

Много понимал о себе Яков. Силы жаждал и в свою планиду верил. Утешение его – мечты да надежды. Страсть его – любочестие да сребролюбие. Не желал богатую невесту, бедную бесприданницу хотел, ибо сердцем горд был. “Невелик мой сад, но я кормлюсь из своего сада!” – думал. И промолчал о своем расчете.

Глава 3 Не бог несет, а конь везет

1

Яффский раввин Мордехай передал на попечение брату Элиэзеру, тоже раввину, лучшего ученика своего – Якова, внезапно осиротевшего. Мордехай рассудил, что не в глухотманной Яффе, а лишь в славном высоколобыми книжниками Иерусалиме, где обитает Элиэзер, достойно раскроет Яков

необычайный талант свой, и прибавится мудрец к мудрецам Святого Города.

Минули годы, и Яков весьма много почерпнул из книг, и не только из книг. Он сошел с тропы, привычной наставникам его, но остался любезен им. Дальновидные люди готовы почитать пустяками важное ради более важного.

Яков взял в жены бедную девушку Оснат, подружку яффского детства. Женитьбой этой он порадовал земляка Мордехая, озадачил Элизера и осчастливил влюбленную в него девушку. Предпочтя бесприданницу богатой невесте, Яков возвестил всем, что не обязан никому.

Изумительный слух был венцом дарований Якова. Он слышал речь франков и мусульман и точь-в-точь повторял иноземную манеру. Дабы проникнуть во вражью среду, укрепиться в ней и одолеть лицепритие к иудею, Яков перво-наперво сводил дружбу со служителями чужой веры, подавая им лестную надежду склонить его в свою конфессию. Воистину ловок тот, кто умеет скрывать свою ловкость. Он читал Святые Книги их, как свои, и сравнивал опусы меж собой, и находил в этом упражнении пользу и забаву.

Яков не посвящал раввинов в свои экстравагантные занятия, но не скрывал их от Оснат. А она надежно берегла до-

машинные тайны и верила Якову безраздельно: что делает муж, то делает правильно. Приложимые к жизни вещи ближе женскому сердцу, чем умозрения талмудистов.

2

Спросить Якова, любил ли он свой народ, жалел ли его, презирал или гордился им – и не нашлось бы у него ответа. В одном уверен был твердо: еврейской судьбы себе не желал. Ум соглашался, а сердце бунтовало против мудрости покоряться чуждой власти. В его родном Иерусалиме пришлый франк-крестоносец брезговал прикоснуться к еврею и ни словом, ни взглядом его не удостаивал. “Да и что за город это – Иерусалим? – насмеялся мусульманин, – с караван-сарай величиной!”

Христиане с мусульманами не дружно жили на Святой Земле, ибо и те и другие разевали рот на один и тот же огород, который евреи для себя посадили. Пока люди духа каждой из тяжущихся сторон свою правду утверждали, а чужую уничижали, практические люди разных вер торговали и богатели. Дела зиждются на доверии, когда один другого понимает. Многоязычный Яков пришелся ко всем дворам.

Заручившись порукой враждебных иудеям служителей божьих, Яков посредничал меж разноязыкими купцами, и они полагались на него и через него полагались друг на друга. Он писал им документы, и много всяких хитростей и уло-

вок узнавал, и наматывал на ус где, что и когда покупать и продавать, и уверился вполне, что на торговом поприще обязательно преуспеет. Комиссионные Яков сберегал для собственной коммерции и все ждал, когда вес золотишка на добрый почин потянет. Сбереечь накопленное труднее, чем накопить.

Настал день. Яков знал, как дешево купить товар, и купил, знал, как дорого продать товар, и продал. Барыш в дело вложил, и пошло-поехало – любо-дорого смотреть. В посредничестве надобности нет теперь. Жил, однако, скромно, и вихрем ворвавшееся и исправно растущее богатство на показ не выставлял.

Блеск золота не затмил Якову свет счастливых глаз Оснат. Любовь молодой супруги давала силы и упрочала дух его, и он весьма сочувствовал этой любви. Вместе с казной нувориша росли и надежды иерусалимских раввинов. Отчего же им не почитать Якова? Пусть не идет он торной дорогой, но ведь и не отступник он, боже сохрани!

3

Зазвучала сигнальная труба – вот-вот закроется на ночь кукольный город Иерусалим. Прихожане окончат вечернюю молитву, покинут синагогу, разойдутся по своим убогим обиталищам. Останутся лишь двое-трое молодых людей. Дома нищета и теснота. Бдением в синагоге скоротают ночь, бу-

дут впитывать мудрость Писания. Пожалуй, согласны юные талмудисты с главным городским раввином Ихием, мол, постижение Слова Божьего есть высшая радость еврея.

В доме у Ихиеля сидит раввин Элиэзер, бывший наставник Якова. Раввины обсудили жалкое обличье синагоги. Не украшена она. Ни ливанских кедров, ни слоновой кости. Потолок чернят коптящие масляные лампы, обветшали книги. Нет средств, община бедная. Зажиточные прихожане – только Ихиель да Элиэзер. Вся надежда на Якова. Ждут его появления.

– Мир вам, раби Ихиель и раби Элиэзер! – сказал выросший в дверях Яков.

– Мир тебе, Яков, и семейству твоему, пусть множится всем на радость! – ответил Элиэзер.

– Я рад, что ты не пролетаешь мимо мезузы, входя в еврейский дом, – заметил Ихиель.

– Я по-прежнему ваш!

– Ваш или наш? – усмехнулся Элиэзер.

– По-прежнему или навсегда? – уточнил Ихиель.

– Наш навсегда! – отчеканил Яков.

– Говорят, Яков-то наш не только в еврейские дома входит... – бросил в пространство Элиэзер.

– Уповаю, сие еврейским домам не во вред... – заметил Ихиель.

– Я наш навсегда! – повторил Яков.

Ихиель пригласил гостей к покрытому белым полотном столу. Хлеб, козье молоко в кувшине, сыр, финики. Прозвучало благословение над хлебом. Ели и пили коротко и молча.

– Яков, ты лучший мой ученик, и не избрал ученую стезю... – посетовал Элиэзер.

– Не ропщи! Он обратил мудрость желтых страниц в желтого металла силу, – возразил Ихиель.

– Примите в дар, почтенные раввины, сию мощну, упомянутым предметом отяжеленную.

– Благодарствуем, Яков! К какому делу приложить монеты? – спросил Ихиель.

– Думаю, украшение синагоги – лучшее приложение им, – ответил, улыбаясь, Яков.

– О, Яков, ты словно слышал нашу с Элиэзером беседу!

– Мне показалось, Яков, на губах твоих мелькнула хитрая улыбка... – проговорил Элиэзер.

– Он непритворно прям! – заверил Ихиель и с надеждой на подтверждение взглянул на Якова.

– Я преуспел в торговле, барыши мои растут, – перевел на другое Яков.

– Рады за тебя. Теперь к какому делу применишь ум и руки? – спросил Ихиель.

– Иерусалим тесен мне. Куплю корабль, чтобы купече-

ствовать на Западе и на Востоке.

– К чему тебе это? Богатство не в мошне, а в голове и в книгах! – воскликнул Элиэзер.

– Я полагаю, искусная отделка не повредит нашей синагоге! – возразил Яков.

– Где судно разместишь? – спросил Ихиель.

– В Яффе, конечно. Готовь, Элиэзер, подарки брату Мордехаю, – сказал Яков.

Сообщение Якова о намерении разъезжать по белу свету, его страсть к стяжанию и нееврейский апломб навели на раввинов задумчивость и грусть. Переваживши услышанное, Элиэзер и Ихиель вновь разомкнули уста.

– Просвети, нас, Яков, чего ждешь ты от богатства, кроме него самого? – спросил Элиэзер.

– Придет сила, а вечный страх уйдет. Ведь как просто!

– Еврей всегда в страхе, даже если сила при нем! – убежденно возразил Ихиель.

– Возможно... Еврей всегда в страхе... Но разве свыше нам ниспослан страх?

– На что намекаешь, Яков? Метишь в иную веру, что прибыльнее нашей? – вскричал Элиэзер.

– Божественная избранность! Разве сладкая мысль сия не счастье еврея? – подхватил Ихиель.

– А если сладкая мысль сия несчастье еврея? Не знаю...

Ты больше размышлял об этом, раби...

– Избранничество рождением дается! – продолжил Ихиель.

– Сила, ум, порой богатство – тоже рождением даются! Почему избранничество выше?

– Оно – как знатность, как цвет кожи – свойства эти нельзя утратить! – выпалил Ихиель.

– Потому-то люди ставят их выше всех достоинств и заслуг, – добавил Элиэзер.

– Верно. Нельзя утратить! Вот превосходство всех превосходств! – согласился Яков.

Раввины ободрились, услышав слово Якова, в унисон с ними сказанное. Как объяснить ему, что на острие копья вертится тот, кто вертится в жизни, лишь на себя надеясь?

– Не страшишься, Яков, верой пренебрегая, за тельцом Аарона следовать? – спросил Ихиель.

– Нет трепета во мне, учителя мои. Другое тут: не резон стучаться в дом, где никого нет дома!

– Я раскусил его! Безбожник он! – в отчаянии воскликнул Ихиель.

– Забудем эти слова, раби Ихиель! Они опасны в любой среде! Ведь ты не желаешь зла мне?

– О, нет, храни тебя господь, мой мальчик! – горячо воскликнул Ихиель.

– Наш мальчик! – поправил Элиэзер.

– Наш мальчик уезжает завтра в Яффу. Напоминаю, Элиэзер: подарки брату Мордехаю!

– Плыви, куда ведет тебя судьба, но сердце свое оставь с нами! – воскликнул Элиэзер.

– С вами останется жена моя. Она на сносях, – уклончиво ответил Яков.

– Мы полюбили Оснат. Она на нашем попечении, – сказал Ихиель, обнимая на прощание Якова.

Глава 4 Дивный остров

1

Окончилась служба в церкви, двери распахнулись, и прихожане вынырнули из духоты храма Божьего навстречу свежести храма природы. Мысли обратились от высокого к земному. Джеймс расправил плечи и, разминая ноги, ускорил шаг. Здоровью и молодости претит покой.

Джеймс не жалел времени на благочестие, и молился много и усердно, и добился расположения священника к нему, к иностранцу. Впрочем, знакомцы не искали в нем чужака, ибо говорящий по-свойски – бесспорно свой, да и не таков англичанин, чтоб иностранца изучать. Здесь, в Англии, Джеймс порой размышлял над Новыми Заветами, и в рассуждениях его книжная христианская дидактика неизменно проигрывала живой утилитарности, ибо только последняя удовлетворит все до единой прихоти.

В этот погожий день Джеймс направлялся на рыцарский турнир – зрелище любезное сердцу англичанина. Богатый и бедный, дворянин и простолюдин, праведник и разбойник, трезвенник и пьяница тянулись к лондонскому ристалищу. Словно одноземец пестрой толпы, Джеймс душою принял лучшее развлечение уроженцев дивного острова. В Испании владела им страсть, ныне забытая, к бою быков. Он полагал, что любовь дарует блага за верность ей самой, а не предмету ее.

Джеймс проходит мимо порта. Бочки и тюки поднимают на борт и спускают на берег. Не всем выпадет сегодня глядеть на битву рыцарей. Грузчики трудятся в поту. Вот корабль расправил белые крылья-паруса. Морская сила Англии. Торговля, золото, товары, страны и города. Джеймс услышал голос, доносившийся с кормы отплывающего судна. Менестрель пел о богатыре Зигфриде. “Пока неведома мне Германия, но в песне слышна краса ее...” – размышлял Джеймс.

Путь не короток, надо закусить. У входа в харчевню рисовальщик малюет новую вывеску, изображая на ней диковинного зверя. Джеймс усаживается в углу. Требуется принести жаркого с капустой, соленого хлеба и эля. В Англии он возлюбил свиное мясо – сочное, нежное, жирное. Вояки, вер-

нувшиеся из похода на Святую Землю, пили вино, горланили песни. Один изрек громогласно, дескать, еврейское вино тоньше вкусом английского, и голос его потонул в шуме. Дюжий слуга бесцеремонно выволок на улицу двух повздоривших пропойц. Схватка продолжилась на дворе харчевни. Обессиленные, драчуны рухнули в непересыхающую лужу, уснули. Неодолимую тягу англичан к пьянству Джеймс не одобрял.

2

Большое поле обрамлено лесом и пологими холмами. Здесь, среди зелени, под неярким английским небом, быть рыцарскому турниру. Поле превратится в арену сражения доблестных мужей. У подножья холмов разбиты шатры, скрывающие бойцов и их свиты. На зеленых склонах расположены трибуны, устроенные в духе времени согласно категорическому сословному императиву. Для короля и особ благородного звания возведены ложи, люди небедные, но незнатные, усядутся на лавки, а простолюдины постоят.

Джеймс, известный священнику как состоятельный купец из Испании, желающий обосноваться в Англии и потому взявший себе английское имя, по праву занял место на лавке. Соседом справа оказался богато одетый мужчина, еврейство коего выдавал обязательный желтый околыш на шляпе. Слева разместилось английское семейство – мать с отцом, сыновья-подростки и взрослая дочь.

Джеймс глазел вокруг и отмечал великолепные атрибуты тщеславия: трон, пажи, оруженосцы, чернокожие стражники, кони, знамена, мантии, попоны и так без конца. Зазвучал марш, предвестник скорого начала. “Музыка в восточном вкусе – артисты из дальних краев. Весь мир тут, в магнетическом этом Лондоне!” – подумал Джеймс.

Упрятанные под броней рыцари восседают на пышно убранных конях, словно железные башни попирают живые постаменты. Блестят богатые доспехи, сверкают острия копий, бьются горячие сердца под холодными латами. Вокруг ревет и предвкушает христианский мир, возвеличивший в абсолют идеи доблести и чести. В эту минуту Джеймс почитал бесхитростную остроту рыцарского меча выше хитроумной остроты фолиантной казуистики, более привычной ему. Затрубили трубы, железные башни вонзили шпоры в тела живых постаментов, сражение началось.

3

Умея убеждать себя, и потому убежденный в том, что чужую среду обитания следует любить, а не отвергать, Джеймс благосклонно взирал на феерию турнира. В паузах он незаметно поглядывал на почтенное английское семейство, расположившееся по соседству. Его интересовала юная англичанка. Ей, похоже, меньше, чем другим дамам нравились жестокости и кровь на арене. Она закрывала ладонью глаза, ли-

цо ее выражало желание покинуть зрелище, но отец с матерью и младшие братья были увлечены.

Джеймс слышал: девицу называли Анна. Он повторял про себя это имя, и выходило красиво. Украдкой он разглядывал ее строгое и умное лицо, привлекательное по его заключению, бросал взгляды на ее руки, на ее изящную одежду, и думал о том, что он, удачливый и богатый купец, живет в чужом краю одиноко, без жены, и это не хорошо.

Рыцарский турнир продолжителен. Джеймс выбрал время и повод представиться отцу Анны. Тот, как оказалось, тоже занимался торговыми делами, и не без успеха. Джеймс держался с простотой и достоинством человека богатого и умного, цели которого честны и чисты. Анна смотрела на нового друга семьи благожелательно, весьма ободряя этим Джеймса. Для испанского купца турнир закончился приглашением в английский дом.

Покидая трибуны, Джеймс заметил, как некий хмельной уроженец дивного острова, оборванец, невежливо толкнул нарядного еврея, соседа справа. Защищенный законом, но умудренный опытом, иудей бросил гордый взгляд на обидчика, и не посягнув на большее, и, ни слова не вымолвив, поспешно растворился в толпе. С грустью подумал Джеймс, что не золотом единым жив толстосум, а путь к достоинству

Глава 5 Тайна

1

Добрый христианин и богатый торговец Джеймс пришелся по вкусу легатам божьей власти в Лондоне. Не англичанин он, из дальних краев прибыл, из Испании, вроде бы. Святые отцы полагали, что излишнее любопытство может удержать руку пришельца от щедрых даров во благо церкви. Лояльностью и покровительством воздавали Джеймсу послы Неба на английской земле.

Джеймс был одинок, и душа его вожделела женской ласки, домашнего очага, детского щебетания. На рыцарском турнире озабоченный бобыль увидел девушку, что пришлась ему по сердцу. Приятными манерами Джеймс расположил к себе отца и мать Анны и к концу турнира, в котором почитал себя главным победителем, он получил приглашение посетить купеческий дом. Голос сердца шепнул Анне: “Джеймс – твоя судьба.”

2

Скоро и споро Джеймс шагал в направлении порта. Здесь его судно, здесь склады и товары. Дождь прошел, небо и Темза серые. Холодно ранним утром. Стадо свиней загородило дорогу. Из луж доносилось блаженное хрюканье. Усердный пастух пинками и проклятиями поднимал разнежившуюся в грязи паству и с помощью суетливой собаки старался направ-

вить нежвачных парнокопытных к сытному дубовому лесу – месту обитания их вольных предков.

Придя на место, Джеймс свернул в комнатку к хозяину склада. Налил себе в кружку крепкого эля, подкрепился караваем хлеба, вареной рыбой, изрядным куском козлятины. Пора браться за дело. Грузчики ждут приказаний. Любят того, кому не надоедает быть щедрым. Подчиняются Джеймсу охотно – за монеты, за обильные харчи и за добрую выпивку в конце дня.

Джеймс владеет несколькими судами. Из Леванта прибыли драгоценные пряности, шелка, ковры. Работы много, а без труда нет плода. Разместить с умом на стеллажах. Укрыть надежно от дождя, на складскую крышу не надеясь. Выдрать опустевший трюм. Как высохнет, загрузить английскую шерсть и овчину. Корабль отправить обратно в Левант без задержки: капитал не любит промедления. Через неделю-две прибудет груз бордосской стали. Щиты, из нее изготовленные, надежно оборонят тела доблестных английских рыцарей.

Успех умелого купца обязан атрибутам нрава его. Смелость и осторожность, тонкое обхождение и дерзкая грубость, простодушие и хитрость, честность и обман, широта души и расчетливость, верность и коварство, милосердие и

беспощадность. Кто сказал, что нет мира у огня с водою? Старшие и младшие агенты-помощники Джеймса, по всему Великоморью рассеянные, дополняют достоинства его, но пронизательный ум молодого хозяина сияет на вершине пирамиды безраздельно.

3

Анна влюбилась в смелого и нахального иностранца, кандидата в женихи, который сам себя рекомендовал и сам себя представил. Джеймс вполне оценил скромную красоту девицы и угадывал горячее сердце. “Пусть Англия будет твоим домом!” – сказал будущий тесть будущему зятю. “Пусть и в Англии будет мой дом!” – подумал в ответ Джеймс. Отец Анны, богатый купец, расположил к себе Джеймса. Покладист, нелюбопытен, благонамерен, дочку грамоте выучил.

Любовь к независимости удержала Джеймса от притязаний на большое приданое. Он не согласился на объединение капиталов, но уступил желанию тестя принять на службу его протеже, некоего Генри, доку в торговых делах. Генри мечтал завладеть Анной – разбогатеть и просить ее руки. Теперь он прибил к Джеймсу, и бог знает, какие змеи дремали в душе неудачника.

Джеймс и Анна зажили своим домом. Естественным образом юной жене открылась мужнина тайна, впрочем, не испугавшая ее. Иудейство Джеймса она приняла как дар, ибо

наслышана была о супружеской верности ветхозаветных мужей – достоинство значимое для скитающегося по белу свету супруга.

Анна разрешилась от бремени. Родился мальчик, и ликовал отец: нет надобности приобщать отпрыска к племени Авраама, и не понесет потомок ярмо избранности. Новорожденному нарекли имя Эдмунд. Дитя подросло, и счастьем светились глаза матери, глядевшей на полезные занятия отца с сыном. Джеймс обожал Эдмунда, выучил его буквам и цифрам, а Анна благодарила судьбу, вспоминая давний рыцарский турнир.

Дела торговые уносят купца из родного дома. Бывало полгода, а то и много более блуждал по морям и странам Джеймс. Горьким лицедейством довалось Анне не замечать жадные взгляды Генри, не понимать его боязливые намеки. Она утешалась письмами, что пересылал ей Джеймс с попутными судами.

Пресвитер прихода, благодарный Джеймсу за щедрость, в отсутствие отца предавал заботам церкви воспитание сына. Эдмунд узнал, что вера в Христа есть единственная правильная вера, и священный долг честного молодого христианина взять на себя ратный труд крестового похода, дабы очистить Святую Землю от скверны мусульманства. Тяготы долгого

пути уместно скрасить живящим душу избиением богопро-
давцев иудеев.

Свежий ум отрока замечательно примирял бездушную ве-
ротерпимость и алчный прагматизм отцовского наставниче-
ства с горячей верой и высокой духовностью проповедей свя-
щенника. Подрастая, Эдмунд приходил к тому убеждению,
что не бывает плохих и хороших жизненных положений, и
что у каждого положения есть две стороны – внешность и
нутро, и глупо сталкивать эти стороны, и упрямо держаться
одной из них тоже глупо, ибо пользу можно извлечь из обеих.

4

Нежданность – любимица случая. Генри, добрый помощ-
ник и верный ненавистник Джеймса, встретил, кажется, свой
звездный час. Раз, в порту, совершив редкой удачи сделку,
купец с друзьями отправился в питейный дом, дабы восста-
новить силы после трудов. Жареный свиной бок и крепкий
эль – законная утеха истого англичанина. Утомленный из-
нурительным торгом с перекупщиками, Джеймс утешился
чрезмерно и захмелел. Генри помог хозяину встать со стула,
и вместе они справили на дворе нужду. И возрадовался на-
блюдательный Генри неожиданному открытию и задумал “ис-
требить мочащегося к стене” хозяина.

Смутное беспокойство грызло душу Джеймса утром сле-
дующего дня. Не открылась ли тайна чужаку? Джеймс рас-

сказал супруге о прискорбном факте. Анна, ведавшая помыслы Генри, стала бледна, как мел. Вечером Джеймс увидал, как пресвитер шептался с аббатом монастыря, и, будто бы, они глядяли на него странно. “Генри донес? Или у страха глаза велики? Однако, щедрость моя к церкви должна служить мне службу, да и лестно им думать, покровительствуя, что я хуже их...” – размышлял Джеймс.

“Наше счастье в опасности, милый!” – пролепетала Анна. “И жизни – тоже!” – буркнул Джеймс. Он крепко верил в ненасытную корысть церковников, утоляемую его щедростью, но легкомысленно будет оставить дело без последствий. Тревога видит грядущие беды, как пережитые.

Через день-другой вошел Джеймс к хозяину склада, улыбка на лице купца, в одной руке мешочек из парусины, а в другой – кувшин с элем. “Я славно нажился на последней сделке и на радостях хочу отблагодарить тебя, дружище!” – воскликнул Джеймс, протягивая кошелек и кружку, – “выпей за мое и за свое здоровье, и пусть не покинет нас удача!” И крепко-крепко уснул человек, сонным зельем одурманенный.

Джеймс отпустил матросов и грузчиков. Тихо подошел к Генри сзади и вонзил ему в спину нож, у хозяина склада украденный. Вид крови мутит разум. “Боль христианская

за боль иудейскую...” – прошипел тлевший в душе Джеймса уголек праведной мести. Еще и еще удар. Так вернее. Джеймс приволок спящего, опустил тело его рядом с убитым. Меж ними бросил окровавленный нож и кошелек. В руку Генри вложил камень.

Дома Джеймс швырнул в печь оскверненную одежду, отмыл руки и душу. Он обнял Анну, и она все поняла без слов, и слезы радости потекли по нежному лицу. Беспокойство убавляет от счастья, и полное счастье покойно, как тихое летнее поле.

Утром пришли люди в порт и увидели двух лежавших на земле, а нож – орудие убийства – одному из них принадлежит. Вот парусиновый мешочек с монетами – повод для ссоры. Разбудили спящего. Очевидные улики не потребовали долгого суда, и казнен был убийца.

Однако, счастливый исход дела не вполне вернул Джеймсу душевный покой, и все казалось ему, что шепчутся пресвитер и аббат и поглядывают на него, и помышляют выдать епископу, и он умножил пожертвования, ибо золото – молчание. Джеймс реже стал бывать на дивном острове, а Анна скучала и любила Джеймса и тревожилась за Эдмунда, что пребывал под присмотром церковника.

Глава 6 Царевна Будур

Изумительно красивы минареты Халеба. Круглые, высокие, остроконечные, щедро украшенные. В каждой мечети выстроена такая башня, а то и две. Нет числа Храмам Божьим в огромном городе. Взойдет муэдзин на балкон минарета и станет созывать правоверных мусульман на молитву, а если кто замешкается, того помощник муэдзина силком вытянет из дома или из лавки, ибо беседа с Аллахом есть столп веры.

Богат Халеб, и благоденствуют горожане. Пышущий довольством левантийский город возвел свои каменные стены на скрещении великих торговых путей, издревле проторенных по суше и по морю. Из Китая и Персии, в Магриб и Италию, до Испании и Англии, и в обратную сторону, проходят дороги через Халеб. Много золота и много вежества оседает в кошельках и в головах счастливых жителей.

Рынок – душа Востока, сердце Леванта, жемчужина Халеба. Бесконечными улицами тянется рынок, а, вернее, многие рынки. Вот ряды кожевенников, тут материи разложены, там верблюды и ослы на продажу, а это торжище невольников, а дальше царство пряностей, за ними торгуют ювелиры и так далее без конца. Купцы со всего света разглядывают, ощупывают, обнюхивают товары на прилавках, в закромах, в стойлах, в шкатулках. Заключают сделки, ударяют по рукам,

пишут расписки.

Веление и страсть восточного духа усадит отрока, сына торговца, в отцовскую лавку, дабы учился продавать и покупать, брать и давать. Поучает родитель: “Купил я материю, и отправился в Дамаск, и продал, и нажил втрое, и набрал в Дамаске товаров, и вернулся в Халеб, и заработал вдвойне, и снарядил караван в Багдад, и опять вышел мне добрый барыш.”

Гремят и пестрят улицы Халеба. Вот шествует шумная процессия – впереди барабаны и трубы, за ними воины с копьями и знаменами, тут и рабы поспевают, щедро кадят благовониями. Должно быть, важный гость во дворец пожаловал. На площади глашатай горланит: “Укравшего булку карают, укравшего царство – славят!” Тихо смеется палач, громко плачет вор. Честные мусульмане стекаются на площадь взглянуть на занятное зрелище – отсечение у вора руки.

2

В конце тенистого Шафранного переулка за стволами деревьев и зеленую листву спряталась лучшая в Халебе кофейня. Двери ее открыты для людей состоятельных, всё больше удачливых купцов. Гости отдыхают после трудов, попивают кофе, жуют гашиш, размышляют о коммерции и иных высоких материях. В углу на большой шелковой подушке сидит девушка-рабыня и играет на лютне. Из сладкоречивых

уст неутомимого сказочника льется бесконечная чудная история, и нет ей конца ни в день, ни в тысячу дней. В сказке смерть красна и жизнь паточна.

“У прославленного владыки островов и земель есть дочь – девица, лучше которой Аллах не сотворил. Волосы ее темны, как ночь горького расставания, лицо светло, точно день желанной встречи. Нос – как острие клинка, щеки – точно алое вино. Языком ее движет великий разум.”

Слушатели внемлют. Слуги подносят блюда с виноградом, персиками, гранатами. Аромат кофе кружит голову. Громче звучит лютня.

“Одеяние ее – из египетских материй, расшитых парчей. Подобная слитку серебра шея возвышается над похожим на ветвь ивы тонким станом, который поддерживают чудные бедра. Волнующий пупок на гладком животе туманит ясный мужской ум. Груды ее точно две шкатулки из слоновой кости...”

На лицах гостей отразились чистые думы, глаза засветились. Хозяин кофейни подал знак, и лютня заиграла тише. Один из верных посетителей сего места, Якуб имя его, вслушивался в историю перевоплощений прекрасной девы, в мыслях примерялся к бурным перипетиям в судьбе ее, и

желал себе не меньшей удачи.

“Вот склонилась девица к возлюбленному, целуя и обнимая его, сплетая ногу свою с его ногою. И она попросила желанного положить руку меж бедер ее и коснуться того, что ему известно. И он сделал так, и вот, он узнал, что бедра эти мягче сливочного масла и нежнее шелка, и он принялся водить рукою, пока не достиг...”

Благодарные и благородные слушатели впились глазами в неожиданно сомкнувшиеся уста рассказчика. “Дальше! Что было дальше!” – раздались нетерпеливые возгласы. Но сказочник неумолим: “Не слышите зов муэдзина? Пора на молитву, правоверные! Не унывайте, заветы Аллаха не превышают сил человеческих. Продолжим в другой день!” Лишь добавил, что дочь владыки островов и земель звалась царевной Будур.

3

Купец Якуб первым воспрял от сладкого сна на яву. Он решительно направился в мечеть. Опоздать на молитву? О, Аллах, высокий и великий, убереги от греха! А после хорошо бы обсудить с имамом суру, над которой бился, вникая в премудрости Священного Корана. “Вера наша самая правильная!” – польстил как-то ученик наставнику. “Единственно правильная!” – строго поправил имам. Купец любил упражнять ум, вгрызаясь в толщу толкований ислама. По ра-

зумению Якуба, знание сие иногда поучительно, порой забавно, и неизменно полезно в мирских делах.

По дороге домой Якуб завернул в баню. Хозяин поклонился богатому посетителю, банщик принес принадлежности, проводил гостя в отдельную комнату, растер ему ноги, зажег благовонные курения, принялся мыть еще нестарое, упругое тело. В деревянных башмаках Якуб проследовал в зал, где размещался бассейн с прохладной водой. Ему подали нарезанную дыню, которой он пренебрег в пользу пунцового арбуза, сияющего черными агатами семечек.

А вот и дом Якуба. Жилище великолепием своим не посрамит мошны успешного купца. Золотыми чернилами начертано на двери имя хозяина. Каменные своды выложены разноцветным мрамором. Выбеленные стены расписаны лазурью. Дивный сад во дворе, шелковые ковры под деревьями, и цветы, цветы, цветы повсюду.

Хозяина встретила полнотелая супруга Марджана. Две юные отроковицы, плоды любви образцовой четы, следовали за матерью. Марджана отослала служанку и сама поднесла ужин Якубу. Покончив с подрумяненным цыпленком и рисом, Якуб отдал должное лапше с миндалем и медом, отдал виноград и завершил домашний пир чашкой гранатового сока. Чревоугодие не грех, коли разум ставит желудку пре-

дел. Отдышавшись после славной трапезы, хозяин принялся сочинять письмо компаньону. Марджана подала мужу лист бумаги, посеребряную чернильницу и калам для письма.

Дурманит голову доносящийся из сада запах цветов. Ароматная свежая ночь решительно изгнала из Халеба душный знойный день. Звезды, луна и прохлада – атрибуты небесной тьмы – несут счастливым горожанам восторг и печаль. Марджана украдкой бросила взгляд на мужа. Якуб погружен в думы. Вот он встал, на прощание рассеянно поцеловал в лоб грустную свою супругу и отправился почивать и набираться сил навстречу новому утру. С поникшей головой Марджана удалилась на женскую половину дома.

Глава 7 Где любовь, там и напасть

1

В цветущем левантийском городе Халебе живет, благоденствуя, богатый купец и правоверный мусульманин Якуб. Все восторги жизни у ног его. Огромный дом и верные слуги, кофейня и чудные сказки в придачу к аромату кофе, любящая супруга и любимые дочки, услаждения восточной бани, и, наконец, милость и благосклонность властей.

Якуб не уроженец Халеба. Он поведал имаму и кади, что разбогател в Магрибе, неумоимо плавая вдоль северных африканских берегов и торгуя в тамошних белокаменных приморских городах. И вот, пожелал он осесть в прекрасном

левантийском городе. И дабы снискать расположение властей духовных и судейских, щедро жертвовал и тем и другим, и вникал в тайны истинной веры, и прослыл мусульманином правоверным и благонамеренным. Изъявление верноподданности вознаграждается, и однажды сам эмир Халеба пригласил Якуба на соколиную охоту.

Немало лет минуло с тех пор, как Якуб купил дом и поселился в Халебе. Живет ли он здесь? Год – да, год – нет. Не в силах приковать себя к месту сребролюбивый да головастый купец. Якуб владеет кораблями, чтобы плавать по всему Великому морю и дальше до дивного острова – до самой Англии. Якуб владеет верблюдами, чтобы доставлять товары из Багдада и Басры и переправлять из Халеба в порт.

До самого дня женитьбы не довелось Якубу видеть невесту свою Марджану. Собралась родня девицы, и свидетели явились, и свершена была брачная запись, и поздравили молодых, и сыграли достойную свадьбу – пир гремел три дня. Как водится, в брачную ночь вошел Якуб к Марджане. Трепетная лань, тонкая станом, нежная и горячая. Падут цепи запретов, и распалится страсть. Жена возлюбила мужа всем сердцем, и душа и тело ее упивались сладостью бытия.

С годами Аллах подарил чете двух славных дочек. Якуб обожал и лелеял их. Может, оттого, что походили на него

лицом и нравом, а, может, чадолубие замещало неполноту супружеского довольства.

Как жаль, что годы раздают вширь женское тело, добавляя досадные складки на животе, ногах, руках, плечах. Зачем время своим кривым железным зубом чертит морщины на щеках, на лбу, вокруг глаз? Якуб думал об этом, а не думал о том, что проклятый резец не только на лице, но и в женском изверившимся сердце оставляет неблагоприятные следы.

2

Славно соединяются предприимчивость и любвеобильность, когда мощна туга. Якуб купил себе невольницу для счастья. Юная, белокурая, светлокожая, голубоглазая. Родом из снежных северных степей. Про себя сказала, мол, княжеская дочь. Мало таких в Халебе. Изрядно раскошелился Якуб. Нанял для красавицы дорогие покои и приставил к ней в услужение раба-скопца, который тоже стоил немалых денег.

До поры до времени ласки северной принцессы наполняли доверху полупустой сосуд любви в душе Якуба. Жизнь, как чистый изумруд, сверкала и радовала всеми гранями. Свободный Восток не требует от мужа супружеского доклада: где, когда и далее в этом роде. Марджана, учуяв перемены, настрополила служанку разузнать причину. Когда же вылезло шило из мешка, ожесточилась Марджана в мыслях

своих, и примешалась к любви запретная ревность, кою замкнула женщина в сердце болящем.

Как-то в продолжении духовной беседы имам по-дружески посоветовал Якубу оставить легкомысленную затею и сбить с рук голубоглазую северянку. Какой прок от любви за деньги? Богатому купцу и правоверному мусульманину нужна жена. Вторая жена. Сие достойно и уважительно. Да и законному наследнику пора на свет появиться.

По здравом размышлении Якуб принял речи мудреца, ибо знаток Корана – он и жизни знаток, и совет его умен. Купец продал белотелую юницу престарелому кади, у которого он был в наперсниках. Покупатель дал цену щедрее против прежней, ибо, как мыслится в честной торговле, товар, приобретаемый по рекомендации да из хороших рук, ценится выше. Верного раба-скопца Якуб оставил при себе.

Надолго ли, накоротко ли, но довольство и румянец вновь осветили морщинистое лицо дряхлого кади. Люди говорили, будто судебные решения, им выносимые, стали мягче и, пожалуй, справедливее. Кади обещал Якубу сосватать невесту. Дойди сей посул до Марджаны, и преждевременная радость сменилась бы худшим разочарованием. Судья не бросал слов на ветер, и вот, состоялось знакомство купца с будущей его младшей женой.

Аниса – так звали нареченную. Якуб повторял про себя это имя, и выходило красиво. Как хороша собой, как умна! Якуб взволновался незнакомым чувством! Неужто заноза любви вонзилась в сердце и острием своим раздвинула золотые монеты, самоцветы, шелка?

Восток не позволяет жене гневиться на мужа, тем паче прекословить ему. Но высокая справедливость сего обычая не в силах исправить неразумие женского сердца. Тяжко приняла Марджана горькую весть. Затаилась, задумалась, замыслила.

Что до Якуба, то подумал купец, что новая страсть не есть резон отринуть и не хранить былую приязненность. Великодушно щадя гордость старшей жены и в надежде не утратить нажитого годами душевного достояния, Якуб не поселил младшую жену в своем доме, но купил для нее новые хоромы подальше от ревнивых глаз.

На время торговых отлучек Якуб оставлял при Анисе своего верного раба-скопца для охраны. Покуда не нашел купец для нее хорошую прислужницу, он робко попросил Марджану поделиться с Анисой служанкой. Удивленный Якуб получил охотное согласие.

Всякий раз, вернувшись в Халеб из плавания, Якуб, как пылкий юноша, спешил к прекрасной Анисе. Восторги любви вновь и вновь уводили супругов в незабытое и благословенное исступление брачной ночи. Они начинали беседой, потом тонули в море страсти, не замечая часов счастья и радости, и, утомившись, возвращались к беседе.

Однажды Аниса призналась Якубу, что мучима ревностью. Не младшей, а единственной желает она быть. И тут, умиленный признанием и опьяненный любовью, Якуб поведал Анисе великую свою тайну. Не мусульманин он, а иудей. Он обещал ей, что увезет ее в славный город Барселону, и они заживут среди богатых евреев, и Аниса станет его единственной навеки. Лишь одно непременно условие следует исполнить: Аниса примет иудейскую веру.

Ах, как счастлива была Аниса услышать волшебные эти слова! Она станет единственной! И как просто, как ничтожно условие! Что ей ислам, и что она иудейству? Любовь во сто крат важнее веры! И решено было меж ними готовить практические шаги. А Якуб уж корил себя за горячность, ибо сказанное наспех сказано худо.

Находчивая служанка Марджаны бесстыдно подслушивала за дверью. Преданная хозяйке, она поспешила донести ей чрезвычайную новость. Забыв былое и доброе, Марджана

возликовала. Пусть ценой падения, но она отомстит! Взявши с собой холопку, Марджана пошла к кади, и наушница повторила хранителю закона украденную весть.

К тому времени в Халебе сменился кади. Старость полна наслаждений, но старые безумцы безумнее молодых. Прежний дряхлый судья не снес чрезмерного напряжения сил и умер. На место покойного верховный кади назначил нового в цвете лет. Странствуя по миру, Якуб не успел свести с новичком дружбу и подкрепить ее плодотворным пожертвованием.

Молодой страж правосудия жаждал угодить эмиру, и вот – счастливый случай! Не возбраняется иудею торговать и богачество. Но обязан иноверец платить особый налог в казну. Якуб же действовал обманом и не платил. И вдобавок незаконно получал от войска эмира охрану караванов, положенную лишь исправно платящим налоги купцам. И это лыко поставлено будет в строку! А сколько товаров он привез в Халеб беспощинно под видом даров! Огромная недоимка пред казной у хитрого еврея. Но худшее его преступление – злоумышление соблазнить благородную мусульманку ложным блеском иудейской веры. Коли подтвердится сие – не сносить ему головы!

Кади пообещал Марджане сделать подсчет долгов и опре-

делить меру вины. Довольная собой и не чуя беды, старшая жена вернулась домой. А Якуб тем временем собрался в новый торговый поход. Радость отпечаталась на лице Марджаны, и странно и подозрительно показалось мужу забытое сияние в ее глазах. С тревогой на сердце отбыл Якуб за новым барышом.

Глава 8 Стезя их

1

Много высоколобых и сильных духом мужей взрастила невеликая еврейская община Иерусалима. Ни набегι высокомерных крестоносцев, ни лукавое владычество мусульман не сломили жестоковыйных иудеев. Штормовые ветры хмурых времен не задули вечный огонь веры в приход Спасителя, что вернет избранникам трон и утраченное величие.

Богатый купец Яков – питомец общины и времени – родился в Яффе, мальчиком осиротел. Мордахай, местный раввин и первый наставник способного ученика, отвез сироту в Иерусалим и передал на попечение своего брата Элиэзера, тоже раввина. Отрок вырос, и заиграли грани молодого таланта к познанию Слова Божьего и утилитарному приложению оногο к мирскому бытию.

Разносторонность ума помогла Якову свести предосудительные знакомства с людьми в чалмах на головах и с людьми с крестами на балахонах, те и другие – непрошенные хозяе-

ва Иерусалима. Яков поведал главному раввину Ихиилю, что намерен заняться большой торговлей, разбогатеть, и, обретя силу, золотом рождаемую, вырваться из круга страха и низости еврейской судьбы.

Иерусалимские раввины Ихииель и Элизер остерегли любимого ученика, но не отринули от общины. Юный Яков женился на любившей его с детства прелестной бесприданнице Оснат. Он нажил денег, купил свой первый корабль и отбыл из Яффы в погоню за мечтой, оставив Оснат, что была уж на сносях, под присмотром матери ее Ривки.

2

Удел купца-честолюбца – плавать по морям на кораблях, да скитаться по пескам на верблюдах и редко греться у домашнего очага. Яков надолго покидал Иерусалим и ненадолго возвращался. Родился первый сын, прошли годы, родился второй. Яков баловал жену письмами, и Оснат с благодарностью вспоминала раввина Мордехая, выучившего ее грамоте.

Вот, Яков снова в Иерусалиме. Нет в живых Мордехая, и Ривка умерла. С Элизером случился удар, и он лежит недвижимый и немой. Раввин Ихииель держится стойко и как во все годы жизни своей ежедневно и неизменно погружается в глубины мудрости старых фолиантов. Сил его пока хватает, чтоб прекословить Якову, хвалить иногда и применять

на благо общины щедрые дары земляка.

Несчастен и беден Иерусалим. Яков благоразумно не выставляет на обозрение свое богатство, укрывая его от завидущих глаз христиан и мусульман, да и своих единоверцев тоже. Нехорошие слухи доходят из-за моря, будто крестоносцы готовят новый поход. Франки опять ожесточились к иудейству, и мусульмане в волнении, и знают многоопытные евреи злой смысл знамений этих.

Воистину благоденствовал Яков. Изрядно разбогател. Узнал и Восток и Запад. Вознесся на высоту, о которой мечтал. То были мечты молодых лет его, когда мальчишкой еще сиживал на морском берегу в Яффе и говорил обо всем на свете со своей подружкой девочкой Оснат. Обрел ли силу, изгнал ли страх из сердца, стряхнул ли цепи веры отцов? Об этом вечный спор его с раби Ихиелем.

3

– Мир тебе, раби! – сказал Яков, входя в синагогу и приветствуя старика.

– Мир и тебе, Яков! Возмужал ты, – ответил раввин Ихиель.

– Здоров ли?

– Слава богу!

– Прими этот дар, раби.

– Спасибо. Мы беднеем, но в руки тебе я не смотрю, ми-

лейший, Яков.

– Я от всего сердца даю.

– Знаю. Ты по-прежнему наш?

– Я по-прежнему ваш. Ах, прости, раби. Я наш!

– Наш? Признайся, веришь ли в Творца? В приход Спасителя веришь?

– Не признаюсь! Однако, знаком с разумными людьми, что верят напоказ.

– Боюсь, они разумны напоказ. Чтоб верить нужен ум, а глупость неверие питает.

– Мы не во всем согласны, раби.

– Хвалю, Яков. Ты в споре не горяч. Торговцы – переговорщики искусные.

– Без скромности напрасной – я преуспел во всем, за что ни брался.

– Подолгу не видали тебя в Иерусалиме. Где жил?

– Я больше странствовал, чем жил. Но в странствиях есть прелесть жизни.

– Вот я и вопрошаю, где эти прелести вкушал?

– Долго обретался в Лондоне. Знаешь, раби, где этот город?

– У франков?

– На Западе. И на Востоке много пребывал. В Халебе.

– Сей город мне известен. Как звался ты?

– Джеймс в Лондоне, Якуб в Халебе.

– Застревают в горле чужие имена.

- Пустил корни там и там. Дела ради.
- Пустил корни или бросил семя?
- Раби, зеленеет жизни древо...
- Не спрашиваю более об этом. Бедняжка Оснат!
- Супругу чту высоко, и для сыновей есть место в отцовском сердце.

Собеседники смолкли. Оба смущены. Наконец, Ихиель вновь заговорил.

- Оставим, Яков, сей для тебя невыгодный предмет. О выгодных предметах расскажи.
- Поверишь ли, раби, у купцов-евреев есть перевес в торговле!
- Неужто?
- Враждуя, мусульмане и христиане закрывают порты и принимают лишь нашего брата!
- Торговец изворотлив. По суше повезет товар.
- Море предпочтительнее суши. Разбойники опаснее пиратов.
- Вот диво! В изгнании еврею предпочтенье!
- Еврей вперед других купцов узнаёт о ценах, спросе, всяких переменах – евреи есть везде!
- Тебе-то прок какой? Ты сам признал, что на чужбине ты не иудей!
- Ты сам признал, что торговец изворотлив! Связи, по-

мощники, глаза и уши всюду!

Яков с торжеством посмотрел на раввина. Тот был не расположен продолжать разговор о мирском и преходящем, и Яков смолк. Раввин первым нарушил молчание.

– Яков, ты видел мир. Скажи, чем чужбина манит иудея?

– Запад суров, но честь и честность там в чести. Восток лукав, но знает в наслажденьях толк.

– А наш Сион?

– Суров по-западному, по-восточному лукав!

– Ты ранишь сердце мне, купец!

– Я пошутить хотел. Для красного словца.

– Молви всерьез для красного словца!

– Успех на чужбине придет к иудею, коль усвоит веру и норы большого народа.

– Успех! Не успех, а спасение надобно. И не иудею, а народу иудейскому!

– Слишком долго мешкает Спаситель, раби!

– Тому виной отчасти твой успех, торговец! Тем временем евреям всюду худо.

– Согласен, всюду худо.

– И всюду страх преследует.

– На чужбине, как и в Земле Завещанной, страх вечный иудеям не одолеть!

– Отчего же, Яков?

– Сие цена гордыни избранничества. Не согнут народы шею пред народом слабым!

– Экий вздор! Шею не согнут? Народ наш слаб? Слаба вера твоя в Спасителя!

– Наверное. Но не простят иудеям мусульмане и христиане отвержение пророков их.

– Слаба вера твоя!

– Наверное. Однако, вечно будут воевать мусульмане с иудейской властью в Сионе.

– Ты глух, Яков! Ты говоришь о суетном, а я толкую о вере, о Слове Божьем!

– Наслышан.

– Наслышан, но не уяснил. Не ты, не я – Спаситель мир перевернет. С ним Бог.

– Раби, наш спор скользит к тупику неодолимому.

– Ах, Яков! Я знаю наши книги глубоко. Я сердцем понимаю истину.

– Раби, я тоже наши книги изучал. Под твоим началом. Кажется, недурно успевал.

– Ты был лучший ученик мой. Как жаль, что пренебрег мудростью и чистотой!

– Я алкал мудрость из жизни, но книги были в помощь. И не только наши книги...

– О, горе! Тебе и мне! Что слышу я? Ты осквернился ложью пасквилей врагов наших?

Раби Ихиель смолк. Лицо побледнело. Задрожала седая борода. Слезы потекли по щекам. Яков понял, что преступил черту. Он взял старика за руку, погладил узловатую кисть. Раби Ихиель плакал. Тяжело встал. Обнял Якова за плечи, не глядя ему в лицо. Сгорбленный и поникший двинулся к выходу. Обернулся, вымолвил горестно: “Не удержал ты ногу твою от стези их и сердце твое уклонил...” – и вышел из синагоги.

Глава 9 Еще этот говорит, как приходит другой

1

Яков – иудей и богатый купец. Корабли у него и верблюды. Торгует на Западе и на Востоке. Благодарными трудами жизнь его полна. Много радостей познал, не счесть число прожитых в счастье дней и ночей, а сколько еще впереди! Дорога, пробитая собственной головой, широка и верна. Он прошел путь к вершине, а у подножья оставил иудейство свое, хоть и не отрекся в сердце.

В Иерусалиме живет и лелеет мужа верная Оснат. С нею двое сыновей их. В Лондоне, где Яков зовется Джеймсом, купец женился на полюбившей его англичанке Анне. Сын Эдмунд – надежда нежного отца. Два роскошных дома построил Яков, то бишь, Якуб, в Халебе. Один из них Якуб делит с Марджаной, старшей женой. Тут же и две юных дочери. Во втором доме обитает младшая и любимая жена, красавица Аниса.

Вот, сидит Яков в порту Яффы. Окончены утренние купеческие труды. Образцово разложены в складах мешки и тюки. Отпущены рабочие. Яков пьет прохладный сок апельсинов, вспоминает недавний спор с иерусалимским раввином Ихиелем. “Огорчил я старика, жаль мне его. А ведь талмудист этот не знает жизни, начетчик он...” – думает Яков.

2

Корабль пришвартовался. Люди сходят на берег. Один из них крикнул: “Нет ли здесь Джеймса, купца английского? Письмо у меня к нему. Из дома, должно быть!” Яков поспешил к человеку. “Я Джеймс!” – ответил, ликуя.

Яков рад письмам от Анны. Умиляют душу ласковые слова, и новости об Эдмунде жадно ловит любящее отцовское сердце. Ну, а когда дела торговые заставляют Якова покидать Сион, то утешают купца письма от Оснат. “Как славно, что жены мои в Лондоне и Иерусалиме грамоте выучены!” – думает Яков, ломая печать и открывая пакет.

Стоя, с нетерпением, проглатывает Яков первые строки. Но вот брови его ползут вверх, лицо бледнеет, рука ищет опору, он тяжело садится на скамью. Анна пишет, что на дивном острове взволновалась чернь, и попы кажут пальцем на виновников всех бед – евреев, и заодно подстрекают народ к походу на Святую Христову Землю, и многие ушли, и вновь

рыцари станут разорять Иерусалим.

Что хуже этого, сообщает Анна, тайна наша с тобой – уж не тайна. Пресвитер уведомил ее, что Генри, пока жив был, донес ему о иудействе хозяина своего Якова, и добавил поп, что в смутное это время не станет покрывать еретика. И есть у него сомнение, не Яков ли убил Генри, и нужен пересуд. Церковник присовокупил злорадно, мол, ты, Анна, в подозрении на связь с дьяволом, и грозит тебе процесс Святой Церкви, а имущество же ваше с мужем отойдет духовенству по праву.

Скверные новости от Эдмунда, пишет Анна. Кабы ты, Яков, бывал дома чаще, не оставался бы Эдмунд под призором попов, и чучела в рясах не отняли бы у нас сына. Ушел Эдмунд в крестовый поход, и с полдороги направил мне гордое послание, мол, доблестное воинство грабит еврейские общины в Германии. Многих единоплеменников твоих жизни лишают. Чем тяжелей кошелек беззащитного, тем легче добыча, а что добудут разбойники веры – то трофей их законный.

3

Потрясенный Яков сидит в оцепенении, сгорбился, придавлен горем. “Эдмунд, мой Эдмунд...” – повторяет про себя. Время перевалило за полдень. Влажная яффская жара. Капли пота текут по лицу, падают на листы, и расплываются

круглые аккуратные буквы, женской рукой писанные. Пустыми глазами глядит Яков в сторону причала.

Вот судно бросило якорь. Люди сходят на берег. Один из них кричит во всю глотку: “Нет ли здесь Якуба, купца левантийского? Письмо у меня к нему. Из Халеба!” Яков подошел к человеку. “Я Якуб...” – глухо выговорил купец.

Ни Марджана, ни Аниса грамоте не обучены, и не обменивался Яков письмами с халебскими женами, и великое восточное терпение заменяло женщинам вести от мужа. Новая тревога сжала сердце.

Яков открыл пакет. Незнакомая рука. Кто это? Пишет ему верный раб-скопец, страж при Анисе. Сообщает, что Марджана из ревности и ненависти к Анисе, мстя мужу, донесла на него новому кади. Пишет, что блюститель закона, не дождавшись возвращения Якуба в Халеб, свершил суд над торговцем, не платившим в казну эмира налогов, коими облагаются купцы-иноверцы. Кади подсчитал недоимку за годы несправедного благоденствия иудея в Земле Пророка, и сумма вышла огромная.

Дома и имущество проданы за долги. Двух дочерей малолетних, ранняя красота коих обещает расцвести пышно, эмир забрал во дворец – пусть живут пока при гареме, под-

растают. Анису кади допросил строго, верно ли, что хитрый еврей совращал ее в иудейство, а она уж готова была изменить мусульманской вере. И Аниса убоялась и отреклась. С одобрения эмира жрец правосудия отдал бывших жен Якова главному визирю, и Аниса полюбила нового хозяина. А полнотелую Марджану визирь назначил служанкой при Анисе.

4

Вечереет. Страшные вести день принес. Яков думает о судьбе своей. По пятам за счастьем ковыляет беда. “Аниса, Аниса моя...” – повторяет про себя Яков. “Еще этот говорит, как приходит другой...” – вспомнилось, и он горько усмехнулся. “Нет, я не Иов, не раздеру одежды свои и голову не остригу!” – подумал.

Надо бы поторопиться в Иерусалим. Не нагрязнули ли крестоносцы? Что Оснат, что сыновья? Нет, прежде должно покончить с делами в Яффе, погрузить товары, отправить судно. Нельзя отступить от прибытка, возможно последнего. Через неделю-две купец оседлал ослика, как в прежние тощие годы, и двинулся в Иерусалим.

Жуткая картина предстала пред очами верного барышу торговца. Три дня в городе свирепствовали рыцари. Дом сожжен, и ни души вокруг. Снова огонь поглатил жилище его. С первым пожаром Яков осиротел, а нынче? Яков уселся на камень – черный от сажи памятник порушенному очагу.

“Вот и вся жизнь моя!” – горько вымолвил несчастный. “Кто знает, вся ли? – услышал Яков голос за спиной. Это был Ихиль.”

Старый раввин протянул Якову сложенный лист. “Молодой франк потребовал передать тебе это... Не по-нашему написано... Впервые видел, как слезы блестят на глазах крестоносца... Франк вскочил на коня и ускакал...” – сказал Ихиль и оставил Якова одного.

“Опять послание, опять беда!” – пробормотал Яков. “О, горе! Это Эдмунд! Коль здесь он, зачем письмо? Честь и смелость не пишут писем!”

“Отец, я воевал за веру. Иудеев, предателей Христа, я не щадил и не гнушался добычей от них. Я женщину проткнул копьем. Конь затоптал сына старшего ее. Корыстному турку отдал мальчика за монету золотую. Лукавый мусульманин умчался, крикнув на прощанье, что огнем спаленный иудейский дом тебе принадлежал, отец, а женщина убитая – жена твоя. Не знал я, что повинен в смерти брата единокровного, а другого – продал. Отец, твое еврейство мне пагуба. Я возвращаюсь в Англию под именем чужим. Я в Яффе сяду на корабль. Навсегда прощай!”

“Он ехал в Яффу, я – из Яффы. Он на коне, я на осле. Мы

разминулись... Однако, лучше измена тех, кого любил, чем верность через силу...” – подумал Яков.

5

Яков открыл мелочную лавку, иногда торговал вразнос. Он не видался теперь с Ихиелем. Не интересен более раввину обедневший отщепенец. А побитый судьбой купец вспоминал порой споры в синагоге и жалел талмудиста: “Пусть неразумен раби, зато благонамерен...”

Как-то донесли Якову, что Анна скрылась от церковного суда. Братья отреклись от нее, родителей уж не было в живых, и потерялся след купеческой жены.

Прошли годы, и Яков узнал судьбу младшего сына от Оснат. Отрок вырос во дворце турецкого султана, явил способности изрядные к наукам, и владыка назначил придворного еврея управлять казной. “Есть в Книге сходное с историей его. Как видно, угадал я, назвав дитя Иосифом!” – усмехнулся старый Яков.

Обложка оформлена автором с использованием стандартных средств Word.